

**НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ГОСУДАРСТВО:
ТЕОРИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ АППАРАТОВ ГОСУДАРСТВА В XXI ВЕКЕ
A NEW LOOK OF THE STATE:
THE THEORY OF THE IDEOLOGICAL APPARATUSES OF THE STATE
IN THE TWENTY-FIRST CENTURY**

С. Н. Некрасов, доктор философских наук, профессор,

Д. С. Сосновских, старший преподаватель

Уральского государственного аграрного университета

(Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42)

Рецензент: Д.Н. Багрецов, кандидат филологических наук

Аннотация

Новый взгляд на государство первоначально развивался крупным французским марксистом Л. Альтюсером в виде концепции идеологических аппаратов государства. Государственный аппарат подавления функционирует посредством насилия, в то время как государственные идеологические аппараты функционируют посредством идеологии. Само функционирование идеологических аппаратов государства играет единую роль воспроизводства производственных отношений. Пара аппаратов Школа – Семья сменила пару Церковь – Семья, но почему в капиталистическом обществе образовательный аппарат стал господствующим? Школа собирает детей различных общественных классов в течение долгих лет, когда ребенок наиболее восприимчив. Существование идей, в которые верит индивид, материально. По Л. Альтюсеру, исчезает термин «идея», остались термины «субъект», «сознание», «вера», «действия», появились термины «практики», «ритуалы», «идеологический аппарат». Получается, что человек по своей природе животное идеологическое. Поскольку идеология вечна и всегда превращает индивидов в субъекты, это приводит к предположению, что индивиды всегда уже субъекты.

Ключевые слова: государство, идеологический аппарат государства, субъект, образовательный аппарат государства, идея, идеология, интерпелляция, индоктринация, материальность идеологии, индивид, воспроизводство производственных отношений, четыре модальности материальности.

Abstract

A new look at the state was originally developed by a major French marxist L. Althusser in the form of the concept of the ideological apparatus of the state. The state apparatus of

repression operates through violence, whereas the ideological state apparatuses function by ideology. The very functioning of the ideological apparatus of the state plays the role of a single reproduction of the relations of production. A pair the School – Family has replaced the Church – Family, but why in a capitalist society the educational apparatus became dominant? The school brings together children of different social classes during the long years when the child is most receptive. The existence of ideas, in which they believe the individual is material. By L. Althusser, disappears the term "idea", were the terms "subject", "consciousness", "belief", "action", were the terms "practice", "rituals", "ideological apparatus". It turns out that man is by nature an ideological animal. As ideology is eternal and always turns individuals into subjects, this leads to the assumption that individuals are always already subjects.

Keywords: the state, the ideological apparatus of the state, subject, educational apparatus of the state, idea, ideology, interpellation, indoctrination, the materiality of ideology, the individual, reproduction of the relations of production, four modalities of materiality.

Необходимо добавить к классической марксистской теории государства как аппарата классового господства, публичной власти, отделенной от народа, некий новый взгляд. Такой взгляд первоначально развивался крупным французским марксистом Л. Альтюсером в виде концепции идеологических аппаратов государства. Чтобы развивать теорию государства в указанном направлении, необходимо учитывать не только общепризнанное различие между государственной властью и государственным аппаратом, но также и другую реальность, проявляющуюся рядом с государственным (репрессивным) аппаратом, но не смешивающуюся с ним. Эту реальность обозначили в определении Л. Альтюсера [1] как «идеологические аппараты государства» (ИАГ). Их не следует смешивать с государственным (репрессивным) аппаратом.

Согласно марксистской теории, в государственный аппарат (ГА) входят: правительство, администрация, армия, полиция, суды, тюрьмы и т.д., – всё то, что является репрессивным аппаратом государства. Слово «репрессивный» указывает, что рассматриваемый государственный аппарат функционирует посредством насилия (ибо репрессия, например, административная, может облекаться в нефизические формы). Назовём вслед за Л. Альтюсером государственными идеологическими аппаратами (точнее, ИАГ) определенное число социальных реальностей, которые непосредственно предстают перед наблюдателями в форме специализированных институтов: религиозный ИАГ (система различных церквей); образовательный ИАГ (система различных публичных и частных «школ»); семейный ИАГ; юридический ИАГ; политический ИАГ (политическая система с различными партиями); профсоюзный ИАГ; информационный ИАГ (пресса –

радио – телевидение и т.д.); культурный ИАГ (литература, изобразительное искусство, спорт и т.д.). Это было сказано в 60-70 гг., и феномен информационного общества ничего нового тут не привносит.

ИАГ нельзя смешивать с государственным аппаратом подавления. Различие их трудноуловимо, но все же оно есть. Во-первых, в то время как существует один государственный аппарат (подавления), государственных идеологических аппаратов существует множество. Во-вторых, в то время как объединенный государственный аппарат (подавления) целиком принадлежит публичной сфере, большая часть идеологических аппаратов государства относится к частной сфере. Частными в западной цивилизации являются церкви, партии, профсоюзы, семьи, некоторые школы, большинство газет, культурных предприятий. Но по какому праву мы можем считать идеологическими аппаратами государства те институты, которые не обладают никаким общественным статусом, но являются просто частными институтами?

Знаменитый итальянский марксист 30 гг. прошлого столетия А. Грамши в своих «Тюремных тетрадах» показал, что различие между общественным и частным – это внутреннее различие буржуазного права, имеющее силу в тех областях, над которыми властвует буржуазное право. Область государства сюда не входит, ибо государство расположено «по ту сторону права»: государство, являющееся государством господствующего класса, не является ни общественным, ни частным, напротив, оно служит условием всякого различия между общественным и частным. То же самое можно утверждать об идеологических аппаратах государства. Неважно, общественными или частными будут институты, в которых они реализуются, важно их функционирование. Частные институты могут функционировать как идеологические аппараты государства.

Очевидно, что для А. Грамши важно создание принципиально нового мировоззрения, которое и есть создание нового руководящего класса, или государства. Он пишет: «Создание руководящего класса (то есть государства) равноценно созданию *Weltanschauung*. Как следует понимать положение о том, что немецкий пролетариат есть наследник немецкой классической философии, – не хотел ли этим Маркс указать на историческую миссию своей философии, сделавшейся теорией класса, который станет государством? Для Илича это реально произошло на определенной территории» [2]. В целях конспирации в тюремных условиях для защиты от цензуры начальства автор шифровал В.И. Ленина как «Илича». Далее он пишет, что К. Маркс является «интеллектуальным родоначальником исторической эпохи», которая, вероятно, продлится века – до тех пор, пока не исчезнет политическое общество и установится упорядоченное

общество. Только тогда его мировоззрение будет превзойдено как концепция необходимости концепцией свободы.

И очень важное А. Грамши замечание относительно необходимости и формы развития теории К. Маркса: «Проводить параллель между Марксом и Иличем с целью расставить их по ступенькам какой-то иерархической лестницы – нелепо и бесполезно; они выражают две фазы: наука и действие, которые являются однородными и разнородными в одно и то же время. Так, исторически было бы нелепо проводить параллель между Христом и Святым Павлом: Христос – *Weltanschauung*, св. Павел – организация, действие, распространение *Weltanschauung*. Оба они необходимы в равной мере и исторически равновелики. Христианство в историческом плане могло бы называться христианством-павликанством, такое выражение было бы более точным (лишь вера в божественность Христа помешала тому, чтобы сложилось название в таком роде, но ведь и сама эта вера представляет лишь исторический, а не теоретический элемент)» [3].

Основное различие между государственными аппаратами (подавления) и ИАГ заключается в следующем: государственный аппарат (подавления) функционирует посредством насилия, в то время как государственные идеологические аппараты функционируют посредством идеологии. Действительно, любой государственный аппарат – будь то аппарат насилия или идеологический аппарат – функционирует одновременно посредством насилия и посредством идеологии, но с очень важным различием, не позволяющим путать государственные идеологические аппараты с государственным аппаратом (подавления). Это различие состоит в том, что, с одной стороны, государственный аппарат (подавления) функционирует преимущественно через подавление, а с другой стороны, вторично, он функционирует посредством идеологии, и потому в обществе не существует чисто репрессивного аппарата. Так, армия и полиция функционируют также через идеологию, как для обеспечения их собственной согласованности и воспроизводства, так и ради ценностей, которые ими предлагаются вовне.

И наоборот, идеологические аппараты государства преимущественно функционируют посредством идеологии, но вторично они функционируют также посредством подавления, ибо не существует чисто идеологического аппарата. Так, школа и церкви посредством соответствующих методов (санкций, исключений, селекции) «дрессируют» не только своих служителей, но и своих прихожан. Также поступает и семья, также и культурный ИАГ (вспомним цензуру). Это определение двойного функционирования (преобладающей формы и вторичной формы) посредством подавления и посредством идеологии – идет ли речь о

государственном аппарате (подавления) или об идеологических аппаратах государства – позволяет понять тот факт, что из игры государственного аппарата (подавления) и из игр идеологических аппаратов государства постоянно образуются тонкие явные или скрытые комбинации. Очевидно, что ни один класс не может надежно удерживать государственную власть, не распространяя в то же время свою гегемонию на идеологические аппараты государства. Достаточно напомнить о настойчивом стремлении В.И. Ленина революционизировать образовательный идеологический аппарат, создать новых «шкрабов» (школьных работников), чтобы позволить пролетариату, завладевшему государственной властью, обеспечить, в конечном счете, ни больше, ни меньше, как будущее диктатуры пролетариата и быстрый переход к социализму. В.И. Ленин рассматривал школу как важнейший государствообразующий институт, а не как полугосударственный аппарат по оказанию услуг населению. Одновременно он дал срочно указание Академии Наук РСФСР провести проверку всех естественных производительных сил Советской России с тем, чтобы, соединив их с подготовленными кадрами, провести ускоренную электрификацию и индустриализацию страны.

Понятно, что господствующему классу или союзу классов не так легко навязать свою волю в ИАГ, как в государственном аппарате (подавления) не только потому, что в них долго могут сохранять сильные позиции прежние господствующие классы, но и потому, что сопротивление эксплуатируемых классов может найти возможность поднять свой голос протеста внутри ИАГ. Достаточно вспомнить роль прессы и прогрессивных журналистов, просто «разгребателей грязи». К. Маркс, бывший в молодости редактором революционно-демократической «Новой Рейнской газеты», писал: «При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» [4].

Таким образом, классовая борьба проявляется и осуществляется в идеологических формах, а, следовательно, также в идеологических формах ИАГ. Однако классовая борьба шире ИАГ, потому что она укоренена не в идеологии, но в базисе, в производственных отношениях. Понятно, почему господствующие классы заигрывают с журналистами, музыкантами, жрецами различных конфессий. Понятно также, как обеспечивается воспроизводство производственных отношений. На языке математической топологии (базис, надстройка) можно выразить так: оно обеспечивается главным образом посредством политико-правовой и идеологической надстройки.

Ясно, что само функционирование разнообразных идеологических аппаратов государства играет единую, вследствие их общности, роль – воспроизводство производственных отношений. Мы перечислили ряд всем известных и, тем не менее, малозаметных для обывателя идеологических аппаратов государства: образовательный, религиозный, семейный, политический, профсоюзный, информационный, культурный – все они относятся к современным капиталистическим обществам индустриального типа. Обыватель видит школу, семью, церковь, партии, профсоюзы, средства массовой информации и воображает, что это самостоятельные и естественным образом возникшие устои общества, но не специфическим образом структурированные аппараты государства как публичной власти, отделенной от народа.

В феодальном обществе прежде существовал единый государственный аппарат подавления, причем он существовал с первых античных государств, хотя число идеологических аппаратов феодального государства изменилось, и сами они стали другими. В средние века церковь (религиозный идеологический аппарат) соединяла в себе целый ряд функций, распределенных затем по многочисленным идеологическим аппаратам государства – новым по отношению к прошлому, особенно по образовательным и культурным функциям.

Наряду с церковью существовал семейный государственный идеологический аппарат, игравший в традиционном обществе несравненно более важную роль, чем та, которую он выполняет в молодом капиталистическом обществе и тем более в кризисном позднем капитализме, где под семьей понимается любой союз и сожительство индивидов, включая однополых субъектов, животных и кукол. Но церковь и семья никогда не были единственными идеологическими аппаратами государства. Существовал также политический государственный идеологический аппарат (предшественник современных политических партий с их лоббистами и закулисами, система вольных общин и городов). Существовал также могущественный «пред-профсоюзный» идеологический аппарат государства – гильдии, братства купцов, банкиров, ассоциации компаньонов. Печать и информация, а вместе с ними зрелища, являвшиеся вначале неотъемлемой частью церкви, затем постепенно отделились от нее в виде агентств и стали регулироваться могущественными концернами.

Очевидно, что в докапиталистический исторический период существовал единственно-господствующий идеологический аппарат государства – церковь, который концентрировал в себе не только религиозную функцию, но также образовательную и большую часть информационной и культурной. И не случайно, что вся идеологическая борьба XI-XVIII вв. сосредотачивалась вокруг антиклерикальной и антирелигиозной

тематики, ибо это было результатом господствующего положения религиозного государственного идеологического аппарата. Достаточно вспомнить Реформацию и религиозные войны в Европе, потрясшие мир полтысячелетия назад.

Поздние буржуазные революции ставили перед собой целью не только заменить государственную власть феодальной аристократии на власть капиталистически-торговой буржуазии, не просто разбить старый репрессивный государственный аппарат и заменить его новым (национальной армией), но также атаковать монополистический государственный идеологический аппарат № 1: церковь. Отсюда – гражданский состав духовенства, конфискация церковного имущества и создание новых идеологических аппаратов, способных заменить религиозный идеологический аппарат государства в его господствующей роли.

Нам представляется, что идеологический аппарат государства, занявший господствующее положение в зрелом капиталистическом обществе в результате борьбы против старого господствующего государственного идеологического аппарата (церкви), является образовательным идеологическим аппаратом. Кажется на первый взгляд, что господствующим идеологическим аппаратом государства в индустриальном обществе является не школа, а политический государственный идеологический аппарат – парламентское демократическое правление, к которому добавляется всеобщее избирательное право и борьба партий. Однако история европейских стран показывает, что буржуазия может приспособиться к различным политическим идеологическим аппаратам государства парламентской демократии.

За игрой политического государственного идеологического аппарата, занимающего авансцену, скрывалось то, что буржуазия использует как аппарат №1, т.е. господствующий образовательный аппарат, заместивший по своим функциям прежний – церковь. Можно добавить: пара Школа – Семья сменила пару Церковь – Семья. Первая пара оказалась для буржуазии важнее и приоритетнее второй.

Почему же в капиталистическом обществе образовательный культурный аппарат стал господствующим и как он функционирует? Достаточно подчеркнуть следующее:

1. Все государственные идеологические аппараты, какими бы они ни были, приходят к одному и тому же результату – воспроизводству капиталистических производственных отношений. Они воспроизводят эти отношения как свою матрицу.

2. Каждый из аппаратов приходит к единому результату своим путем. Политический аппарат подчиняет индивидов политической идеологии государства – демократической, представительной (парламентской) или прямой (плебисцитарной или

фашистской). Аппарат информации пичкает граждан с помощью прессы, радио, телевидения ежедневными дозами национализма, шовинизма, либерализма, морализма, потребительства, эгоизма и т.д. К. Маркс продолжал эту мысль, говоря, что «ежедневная пресса и телеграф, который моментально разносит свои открытия по всему земному шару, фабрикует больше мифов (а буржуазные ослы верят в них и распространяют их) за один день, чем раньше можно было изготовить за столетие» [5]. То же относится к культурному аппарату. Религиозный аппарат выполняет свою роль, напоминая на проповедях и на других церемониях по случаю рождения, брака и смерти, что человек – лишь прах, пока он не научится любить своих братьев так, чтобы подставить другую щеку, если ударят по одной. Семейный аппарат занят тем же – воспитанием и дрессурой.

3. Весь концертный ансамбль аппаратов объединен единой партитурой, нарушаемой противоречиями и использующей великие темы гуманизма и величия прошлого, темы сочетания частного и общего интереса в форме национализма, морализма, экономизма.

4. В этом концерте лишь один государственный идеологический аппарат играет господствующую роль – это школа. Школа собирает детей различных общественных классов с детского сада, который также является элементом машины образования, и в течение долгих лет, когда ребенок зажат между семейным и школьным государственными аппаратами и наиболее восприимчив, работает с ним. «Навыки» и «компетенции» вдалбливаются ему в голову в упакованном в господствующую идеологию виде (язык, арифметика, естествознание, история, науки, литература). Или же просто господствующая идеология в чистом виде вбивается в головы и в подсознание в виде морали, гражданского права, обществознания, основ экономики бережливости, домоводства, военно-патриотического воспитания, наконец, философии. Примерно к шестнадцати годам огромная масса детей попадает на производство: они становятся рабочими или предпринимателями, крестьянами, торговцами во всех сферах.

Другая часть молодежи продолжает обучение: они стараются сделать карьеру и занять место в рядах младшего или среднего персонала в сфере управления, менеджмента, в рядах младших и средних функционеров, мелких предпринимателей. Лишь немногие добиваются до вершин, попадая либо в полубезработные интеллектуалы, фрилансеры, либо превращаются в агентов репрессий (военные, полицейские, политики, администраторы) или в профессиональных идеологов (жрецы всех видов, лектора, проповедники, руководители светских религий и партий власти). Всякий, кто выходит на жизненную дорогу, на практике снабжен идеологией, подходящей к той роли, которую он должен выполнять в классовом обществе: роли подчиненного (профессиональное,

моральное, гражданское, национальное сознание и подчеркнутая аполитичность); роли агента менеджмента (уметь командовать и говорить с подчиненными: строить «человеческие отношения»); агента подавления (уметь командовать и заставлять других подчиняться «без рассуждений» или уметь пользоваться манерами риторики), или профессионального идеолога (уметь уважительно обращаться с познаниями, т.е. пренебрегать ими, шантажировать, пользоваться образованностью и демагогией). Старому принципу раннего капитализма «я начальник ты дурак, ты начальник я дурак» здесь нет места – все строится значительно тоньше и внешне уважительнее.

Некоторое число противоположных добродетелей (скромность, смирение, подчинение, цинизм, пренебрежение, высокомерие, уверенность, величие и даже красноречие и ловкость) прививаются в семье, в церкви, в армии, с помощью книг, фильмов и спортивных учреждений. Но никакой идеологический аппарат государства не располагает в течение долгих лет обязательной бесплатной аудиторией на 5-6 дней в неделю по 8 часов ежедневно со всеми детьми индустриальной общественной формации. Речь идет о переходе от периода формальной доминации капитала над трудом, когда труд подчинен капиталу лишь на производстве.

Еще К. Маркс в 24 главе I тома «Капитала» подчеркивал, что первоначально подчинение труда капиталу происходит чисто формально. Нечто подобное он утверждает и в 1844 г. в знаменитых «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», говоря о том, что даже с появлением крупного машинного производства рабочий, как на работе, так и вне работы, оставался самим собой. Первая стадия подчинения труда капиталу вызвала к жизни Парижскую Коммуну и иные попытки отрицания этого способа угнетения вроде двух российских пролетарских революций, революции 1919 г. в Венгрии, Германии, Ирландии и революции 1949 г. в Китае, революции 1959 г. на Кубе.

Но после появления конвейера труд подчинился капиталу уже реально – если на мануфактуре рабочие являются членами одного живого организма, то на фабрике рабочие принадлежат мертвому механизму как его живые придатки. В конце XIX в. капиталистические фирмы стремились к тому, чтобы из каждой минуты обе руки рабочего были включены в производство 57 секунд, однако за воротами предприятия рабочий принадлежал себе. Ответом на такой второй уровень угнетения стали революция 1918 г. в Германии, Испанская республика 1936 г., правительство народного единства в Чили 70 гг., движение антиглобализма и альтерглобализма конца столетия.

После Второй мировой войны вначале высокоразвитые страны, а затем и весь мир, перешли в третью стадию подчинения труда капиталу – в тотальное подчинение, распространяющееся также на сам процесс воспроизводства рабочей силы. Во времена

классического капитализма этот способ проявлял себя в наиболее примитивной форме распространения капиталистической эксплуатации на работу на дому. Ныне власть капитала нигде не оставляет человека труда «у себя» – ни на работе, ни дома, ни на отдыхе, где провозглашается плюралистический принцип «хочешь, смотри – хочешь, не смотри», но выбора и выхода из идеологии нет. Одна надежда – на утопию автоматизированного информационного цифрового общества, обеспечивающего досуг, и так называемую цифровую экономику флагманских смартфонов. Неясно при этом, кто и за какие средства будет приобретать цифровые товары при полном вытеснении человека из производства и транспорта?

Именно посредством усвоения определенных навыков, облаченных в массовое индоктринирование идеологии господствующего класса, происходит воспроизводство производственных отношений общественной формации. Механизмы, производящие этот жизненно важный результат, утаиваются повсеместно школьной идеологией, ибо это одна из существенных форм господствующей идеологии, представляющей школу нейтральной средой, лишенной идеологии, ибо это «среда мирская», где люди верят в общие идеи и любят своих правителей. Здесь учителя, как функционеры формации, уважающие «сознание», «права личности», «права» и «свободу» детей, смело доверенных им «родителями» (которые сами также свободны в качестве владельцев их собственных детей), открывают им путь к свободе, моральности и ответственности в качестве будущих достойных взрослых на своем собственном примере и с помощью знаний, литературы и либеральных добродетелей. Спротивление учителей идеологическому режиму подавляется системой и практикой обучения – хуже того, учителя вкладывают душу, изобретательность и чистосердечие в ее выполнение. Возникают замечательные новые и даже интерактивные методы в образовании. Учителя так мало сомневаются, что своей преданностью поддерживают идеологическое представление о школе, которое делает ее сегодня столь «естественной», необходимо-полезной и благотворной в глазах современников, так же как нашим предшественникам в течение долгих веков церковь представлялась «естественной», необходимой и благородной. Между тем уважение прав детей в конце XX в. привело к работе аутсорсинговых компаний в школе, когда дети относятся к школе как к дисциплинарному санаторию и месту своего отдыха. Родители при этом рассматривают школу как камеру хранения для детей. Образ «камеры хранения» распространился и на современную семью, где жены оставляют мужей в таких камерах при бутиках и торговых центрах, где к ним часто обращаются с запросами дамы с «пониженным уровнем моральной ответственности». Мужья также оставляют жен в таких женских камерах, а сами предаются чисто мужскому общению с друзьями. Дошло до того,

что избирательные участки открывают в круглосуточных торговых центрах как на вокзалах.

Действительно, школа сменила церковь в ее роли господствующего идеологического аппарата государства. Она соединилась с семьей точно так же, как когда-то церковь. Можно утверждать, что кризис беспрецедентной глубины, потрясший школьную систему стольких стран, часто связан с кризисом, охватившим семейную систему, взятую в политическом смысле, если учитывать, что школа (и пара: школа – семья) образует господствующий идеологический аппарат, играющий ведущую роль в воспроизводстве производственных отношений.

Если верно, что репрезентация реальных условий существования индивидов, занимающих посты агентов производства, подавления, идеологизации и научной практики, обнаруживает, в конечном счете, производственные отношения и отношения, которые вытекают из этих условий, то можно сказать: всякая идеология репрезентирует, необходимо искажая в воображении, несуществующие производственные отношения (и другие отношения, которые из них проистекают), но, прежде всего, воображаемое отношение индивидов к производственным и проистекающим из них отношениям. В идеологии, таким образом, представлена не система реальных отношений, управляющих существованием индивидов, а воображаемое отношение этих индивидов к реальным отношениям, в которых они живут.

Мы сказали, говоря об идеологических аппаратах государства и их практиках, что каждый из них был реализацией какой-нибудь идеологии, так сказать, региональной идеологии – религиозной, моральной, юридической, политической, эстетической. Теперь понятно, что идеология существует всегда через аппарат и его практику или его практики. Это существование материально. Понятно, что материальное существование идеологии в аппарате и его практиках не обладает той же материальностью, что и материальное существование камня или иного предмета обычного материального предмета. Существуют различные модальности материальности.

Существование идей, в которые верит индивид, материально в том смысле, что его идеи являются его материальными действиями, вписанными в материальные практики и регулируемые материальными ритуалами, которые сами определены материальным идеологическим аппаратом, к которому относятся идеи этого субъекта. Естественно, четыре прилагательных «материальный», включенных в наше предложение, должны обрести различные модальности: материальность перемещения для того, чтобы пойти на богослужение, материальность жеста, крестного знамения или покаяния, фразы, молитвы, раскаяния, взгляда, рукопожатия, внешне вербализованной речи или речи «внутренней»

(совесть) – все это не одна и та же материальность. Оказывается, некоторые философские понятия исчезли из нашего представления, а другие остались и появились новые термины.

По Л. Альтюсеру, в результате реконструкции теории идеологии исчезает термин «идея», остались термины «субъект», «сознание», «вера», «действия», появились термины «практики», «ритуалы», «идеологический аппарат». Идеи исчезли как таковые (как наделенные идеальным, духовным существованием) в той мере, в какой обнаружилось, что их существование было вписано в осуществление обрядов, регламентируемых ритуалами, определяемых в конечном счете идеологическим аппаратом. Ведь идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами. Этот тезис не следует понимать ортодоксально – речь идет не только о революционных идеях и революционных массах, речь идет об идеях вообще!

Итак, очевидно, что субъект действует в соответствии с воздействием следующей системы: идеологии, существующей в материальном идеологическом аппарате, предписывающем материальные практики, регламентируемые материальными ритуалами. Эти практики существуют в материальных актах субъекта, действующего в полном сознании согласно своим верованиям в Бога, Долг, Отчизну, Президента, Национальную идею или мечту народа, невидимую руку Рынка. Центральный решающий термин, от которого все зависит в идеологии и новом понимании государства в XXI в., – понятие субъекта.

Получается, что практика существует только через идеологию и внутри нее, а идеология существует только через субъекта и для субъектов. Категория субъекта является конститутивной для всякой идеологии, но в то же время категория субъекта является конститутивной для всякой идеологии лишь в той мере, в какой функция всякой идеологии состоит в конституировании конкретных индивидов в субъекты. В этой игре двойного конституирования состоит функционирование всякой идеологии, и идеология есть не что иное, как ее функционирование в материальных формах существования этого функционирования.

Получается, что человек по своей природе **животное идеологическое**. Это не сразу видно, потому что мы имеем дело с очевидностями и банальностями – идеологии свойственно навязывать очевидности, которые мы не можем не признать и на которые мы естественно реагируем: «Это очевидно! Это именно так! Это совершенно верно!». В этой реакции осуществляется функция идеологического признания. Л. Альтюсер приводит такой пример, как узнавание в обыденной жизни и в идеологии [6].

Все мы являемся в формационной социальной жизни всегда и заранее субъектами, и как таковые непрерывно практикуем ритуалы идеологического признания, которые

гарантируют нам нашу благополучную субъективность как конкретную, индивидуальную неразстворимую и незаменимую. Но признание того, что мы являемся субъектами и что мы функционируем в наиболее простых практических ритуалах повседневной жизни (пожатие руки, называние по имени, что свидетельствует о признании уникальности как субъекта), – это признание дает только сознание нашей непрерывной практики идеологического узнавания. Но мы еще не познаем механизм этого узнавания. Если идеология функционирует так, что она «рекрутирует» субъектов среди индивидов (набирает их как новобранцев в военкомат) с помощью операции, которую мы назовем «интерпелляцией» и которую можно представить себе как банальное полицейское запрашивание или интерпелляция: «Эй, вы там!».

Итак, идеология превращает индивидов в субъекты через запрос. Поскольку идеология вечна, мы в новом понимании идеологии должны преодолеть временную форму представления о функционировании идеологии и сказать: идеология всегда превращает индивидов в субъекты, что с необходимостью приводит к окончательному предположению: индивиды всегда уже субъекты.

Следовательно, индивиды – абстракция по отношению к субъектам, которыми они всегда уже являются. Это положение может показаться парадоксальным. То, что индивид всегда уже субъект, даже до рождения, объясняется простой реальностью, доступной каждому и нисколько не парадоксальной. З. Фрейд показал, что индивиды всегда являются абстракциями по отношению к субъектам, которыми они уже всегда оказываются. При этом он просто отмечал идеологический ритуал, окружающий ожидание рождения – этого «счастливого события». Но если говорить прозаично, в семье и обществе встречаются формы семейной идеологии – отцовства, материнства, супружества, родственности. В них и ожидается рождающийся ребенок: он будет носить имя своего отца, следовательно, иметь идентичность, незаменимость, национальность, собственность, социальный статус и узнаваемость с саморепрезентацией, год рождения по календарю от Рождества Христова или от любого иного сотворения мира.

Все великие революции мечтали изменить календарь и начать новое летоисчисление от себя, что показывает стремление нового общественного устройства к трансформации образования массового человеческого субъекта. Но ни Великая французская буржуазная революция третьего сословия, ни Великая октябрьская социалистическая революция четвертого сословия не смогли этого достичь, а потому их плоды погибли в ходе контрреволюций. Контрреволюции всегда восстанавливают старый порядок идеологического формирования субъекта и реставрируют прежние идеологические аппараты государства.

Библиографический список

1. *Althusser L. Ideologie et appareils ideologiques d'Etat. (Notes pour une recherche) // Althusser L. Positions. P.: Ed. sociales, 1982.*
2. *Грамини А. Тюремные тетради. Ч.1. М.: ИПЛ, 1991. С. 100.*
3. *Грамини А. Тюремные тетради. Ч.1. М.: ИПЛ, 1991. С.101.*
4. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.13. С.7.*
5. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.25.*
6. Приведем пример Л. Альтюсера: все люди, постучавшись в дверь к знакомым, на вопрос «кто там?», отвечают: (ибо это «очевидно») «это я!» Действительно, мы узнали, что «это она» или «это он». Мы открываем дверь и «там действительно она». Возьмем другой пример: когда мы узнаем на улице кого-то из наших знакомых, мы ему показываем, что узнали его (и что мы знаем, что он нас узнал), говоря ему: «Здравствуйте, дорогой друг» и протягивая ему руку (ритуальная материальная практика идеологического признания в повседневной жизни).